

На правах рукописи

Щербаков Сергей Владимирович

**ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ
В НАЦИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Чебоксары – 2011

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
Минеева Елена Константиновна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
Сануков Ксенофонт Никанорович

кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и региональной истории ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева»
Захаров Дмитрий Анатольевич

Ведущая организация: ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Защита состоится 10 февраля 2012 г. в 13.00 часов на заседании объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.301.05 при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38 (учебный корпус № 3), зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38; с авторефератом – на официальном сайте Министерства образования и науки Российской Федерации

Автореферат разослан 30 декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д.А. Ялтаев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современных условиях особую важность приобретают межнациональные отношения, от которых во многом зависит состояние общества и его будущее. Неслучайно Правительство Российской Федерации уделяет должное внимание вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурному развитию субъектов федерации. Министерство регионального развития 1 декабря 2010 г. провело Третье Всероссийское совещание представителей органов исполнительной власти субъектов РФ, где в качестве одной из эффективных мер по гармонизации межэтнических отношений, профилактике этнополитического и религиозно-политического экстремизма названо укрепление такого социального института, как культурно-национальная автономия. Согласно рекомендациям данного совещания был поставлен вопрос о необходимости «внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации в части наделения национально-культурных автономий и национальных общественных объединений статусом социально ориентированных организаций»¹.

Таким образом, вопрос культурно-национальной автономии народов вновь оказался в центре внимания власти и общественности. В этой связи актуальным становится исторический опыт, сложившийся в результате попыток создания различных автономий, как в рамках Российской империи, так и советского государства. Несомненно, что история общественно-политических организаций Чувашского края в начале XX в., попытавшихся создать культурно-национальную (экстерриториальную) автономию чувашей, представляет значительный интерес не только для современной Чувашской Республики, но и для России в целом.

Объектом исследования являются идеи и проекты экстерриториальной автономии чувашей в контексте решения национального вопроса в России в начале XX века.

Предмет изучения – становление и развития идеологии и проектов экстерриториальной автономии чувашей в начале XX в., что включает выявление предпосылок формирования общенациональной программы этого типа автономии к началу XX в.; исследование становления программы культурно-национальной автономии чувашей в 1903-1918 гг., а также анализ борьбы за реализацию экстерриториальной программы в составе Советской России; выявление факторов, оказавших влияние на выбор варианта решения национального вопроса в форме национально-территориальной автономии и побудивших чувашских руководителей к отказу от экстерриториальных притязаний.

¹Рекомендации Всероссийского совещания по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России // Письмо Министерства регионального развития Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 42985-А3/04 [Электронный ресурс] URL: <http://www.irkobl.ru/society/civil/news/detail.php?ID=162470> (Дата обращения 23.06.2011)

Хронологические рамки диссертации охватывают 1903-1920 годы. Первая пограничная дата рассматриваемого периода обусловлена коренными изменениями в жизни чувашского населения Российского государства, когда в Казани и Симбирске начали появляться организации чувашей (кружки, союзы и пр.), активно вовлекавшиеся в общественно-политическую жизнь страны. Вторая дата, 24 июня 1920 г., связана с созданием Чувашской автономной области (ЧАО), началом реализации этнотерриториальной программы решения национального вопроса для чувашского населения правобережной части Казанской и Симбирской губерний.

Территориальные рамки исследования включают чувашские уезды правобережной части Казанской и Симбирской губерний (т.е. территорию современной Чувашской Республики), где и происходили наиболее важные события, определившие дальнейшее развитие идеологии культурно-национальной автономии. Активность чувашских лидеров за пределами традиционной территории чувашского народа сыграли в проектах культурной автономии экстерриториального характера лишь вспомогательную роль. Деятельность национальных организаций чувашей в период 1903-1920 гг. была сосредоточена преимущественно в Симбирске и Казани, однако сама идеология и проекты культурно-национальной автономии касались большинства чувашского населения, прожившего на территории современной Чувашской Республики. В этой связи Симбирск и Казань непосредственно не вводятся в территориальные рамки исследования, так как фактически они являлись лишь местом, способствовавшим диалогу национальных лидеров с региональной и общегосударственной властью.

Степень разработанности проблемы. Идеология и проекты культурной и экстерриториальной автономии чувашей начала XX столетия в советской и современной историографии ни разу не становились предметом специального комплексного исследования, хотя и попадали в сферу внимания авторов, рассматривавших вопрос создания чувашской автономии. Как правило, экстерриториальные идеи и проекты фигурировали в качестве фона происходивших событий, а не как объект исследования. В разные исторические периоды XX в. преобладали различные оценки идеологии экстерриториальной автономии.

Первые работы по истории становления автономии чувашского народа в 1920-х гг. были написаны непосредственными руководителями чувашских общественно-политических организаций в 1917-1921 гг. и участниками этих событий: А.Д. Красновым, Д.П. Петровым-Юманом, Д.С. Эльменем¹. То, как эти авторы описывали произошедшие события и обозначали свое отношение к идеологии и проектам культурно-национальной автономии чувашей в начале XX в., наложило отпечаток на современную им и последовавшую историогра-

¹ Краснов А.Д. Февраль-Октябрь. Чебоксары, 1931 (на чув. яз.); Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921; Его же. 1905 год. Чебоксары, 1925 (на чув. яз.); Его же. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М., 1926; Эльмень Д.С. Откуда и как возникла Чувашская область // Канаш. 1922. 6 июля.

фию. Под их влиянием сформировалась точка зрения, согласно которой культурно-национальные требования выдвигала только антисоветски настроенная чувашская интеллигенция и деятели Чувашского национального общества (ЧНО). В публикациях они вынуждены были давать оценку чувашским организациям 1918-1920 гг., которыми им приходилось руководить, например, Чувашскому левосоциалистическому комитету (ЧЛСК) (председатель – Д.П. Петров-Юман), Казанскому комиссариату по чувашским делам (ККЧД) (руководитель – А.Д. Краснов) и Чувашскому отделу при Наркомнаце РСФСР (Чувотдел) (заведующий – Д.С. Эльмень). Можно отметить тенденцию, которая наглядно показывает, что при описании деятельности этих организаций, авторы старались скрыть их экстерриториальную сущность и подчеркивали борьбу с антисоветизмом, а также приверженность национальной программе большевиков. Причина этого в 1920-х гг., по-видимому, заключалась в давлении на бывших руководителей чувашского национального движения идеологических установок ВКП(б), относившейся крайне негативно к идеологии культурно-национальной автономии.

В 1930-е гг. разработкой вопросов создания автономии чувашского народа занимался профессиональный историк, выпускник Института красной профессуры, И.Д. Кузнецов¹. Произшедшие события он оценивал исключительно с точки зрения классовой борьбы и выполнял идеологический заказ своего политизированного времени. С присущей пристрастностью школы историка-марксиста М.Н. Покровского, он подвергал уничижительной критике чувашских деятелей начала XX в. за любые проявления приверженности программе культурной и экстерриториальной автономии. Однако, одной из позитивных сторон научно-исследовательской деятельности И.Д. Кузнецова явилось то, что он внимательно изучил сохранившиеся архивные материалы и опубликовал немало сведений, имеющих историческую ценность. Положительно можно отметить и то, что впервые была показана экстерриториальная сущность таких общественно-политических организаций 1918 г., как ЧЛСК и ККЧД. Стоит отметить, что в список организаций, стремившихся к культурно-национальной автономии чувашей, он не внес Чувотдел, рассматривая его как приверженца ленинской национальной политики.

Впервые в 1950-е гг. на экстерриториальную политику Чувотдела в 1918-1920 гг. указал другой исследователь истории становления автономии чувашского народа – Я.К. Павлов². Он не стал в полной мере раскрывать связанный с этим вопросом материал, так как его выводы вызывали негативную реакцию со

¹ Кузнецов И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 33-94; Его же. Против националистической концепции чувашской истории // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 309-333; Его же. О некоторых уроках Октября и об истоках коммунистического движения в Чувашии // Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 209-216 и др.

² Павлов Я.К. 30 лет Чувашской советской автономии // Записки НИИЯЛИ. Вып. 5. Чебоксары, 1950. С. 3-37.

стороны научной общественности Чувашии, которая из идеологических соображений предпочитала видеть в заведующем Чувотделом Д.С. Эльмене последователя ленинской национальной политики и, соответственно, сторонника национально-территориальной автономии. Начинания Я.К. Павлова не получили дальнейшего развития, и в последующем было принято не говорить об экстерриториальных проектах Д.С. Эльмена и его сторонников.

В 1950-1960-е гг. в публикациях, связанных с вопросом становления автономии и государственности чувашского народа, наметилась новая тенденция. Выражалась она в том, что на первый план стало выдвигаться участие широких народных масс в установлении в Чувашии советской власти и подчеркиваться их борьба с антисоветскими проявлениями в чувашском национальном движении. Среди исследователей этого периода стоит назвать В.Л. Кузьмина, Я.К. Павлова, И.Е. Петрова, М.В. Румянцева¹ и др. При таком методологическом подходе появилась возможность уделять минимальное внимание идеологии и проектам культурной и экстерриториальной автономии чувашей в начале XX века. Когда они все-таки упоминались, то исследователи ссылались на ленинские трактовки «мелкобуржуазной» и «утонченно-националистической» сущности данного типа национальной автономии.

В 1970-1980-е гг. в исторических публикациях начинает преобладать толерантное отношение к деятельности многих общественно-политических организаций чувашей начала XX века. Теперь бóльший упор делался на том положительном вкладе, который внесли эти организации в распространение большевизма со времен Первой русской революции 1905-1907 гг. вплоть до образования в 1920 г. ЧАО. Приверженность чувашских деятелей идеологии культурно-национальной автономии уже связывалась не с классовой борьбой, а с недостаточным культурным и образовательным уровнем развития чувашского населения и соответственно с недопониманием идей марксизма. Началось изучение некоторых чувашских организаций, в частности ЧЛСК, ККЧД и Кружка деятелей по образованию чувашей, что отразилось в публикациях С.А. Артемьева, Т.А. Ахазова, И.Д. Кузнецова, В.Н. Любимова, В.Г. Тимофеева, Г.М. Титова² и

¹ Кузьмин В.Л. К вопросу об истории установления советской власти в Чувашии // Записки ЧНИИ. Вып. 6. Чебоксары, 1952. С. 196-213; Его же. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны. Чебоксары, 1963; Павлов Я.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917-1925). Чебоксары, 1957; Петров И.Е. Чувашия в период иностранной интервенции и Гражданской войны: в 2 т. Чебоксары, 1954, 1959; Его же. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961; Румянцев М.В. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны. Чебоксары, 1963.

² Артемьев С.А. Борьба против национализма в Чувашии в 1917-1918 годах. Чебоксары, 1967; Его же. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972; Ахазов Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР // Вопросы истории Чувашии. Вып. 75. Чебоксары, 1977. С. 3-25; Любимов В.Н. К вопросу о возникновении чувашской нации // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. С. 131-165; Кузнецов И.Д., Буцевицкий В.С. Съезд деятелей по образованию чувашей (К 70-летию со

др. С одной стороны, такая тенденция реабилитировала их и отдельные личности, с которых были сняты обвинения в антисоветской деятельности, но с другой – к программе и проектам культурной и экстерриториальной автономии чувашей появилось отношение как к малозначительной идеологии.

В последние десятилетия XX в. возрастает интерес к дальнейшему осмыслению истории чувашских организаций. В конце 1980-х гг. начинается целенаправленное исследование создания и деятельности Чувотдела Е.К. Минеевой¹. В 1990-е гг. с позитивных позиций рассматриваются такие национальные организации, как ЧНО, Казанский чувашский военно-окружной комитет, автономная чувашская организация партии эсеров. Большую лепту в изучение данного вопроса и возвращение забытых имен внесли научные публикации Г.А. Александрова, Ю.В. Гусарова, В.Д. Димитриева, А.В. Изоркина, В.В. Макаревского² и др.

В 2000-е гг. предпринимаются попытки систематизации собранной информации в трудах В.П. Иванова, В.Н. Клементьева, Е.К. Минеевой, Т.В. Немцевой³ и др. Отдельные аспекты экстерриториальной программы чу-

времени созыва) // Труды НИИ при Совмине ЧАССР. Вып. 68. Чебоксары, 1976. С. 125-129; Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967; Любимов В.Н. К вопросу о возникновении чувашской нации // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. С. 131-165; Тимофеев В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа. Чебоксары, 1986; НА ЧГИГН. I отд. Ед.хр. 721.

¹ Минеева Е.К. Из истории Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР. Л., 1987; Ее же. Создание и деятельность Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР: автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

² Гусаров Ю.В. Общественно-политические деятели Чувашии начала XX в. А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Сб. ст. Чебоксары, 2007. С. 5-41 и др.; Александров Г.А., С.Н. Николаев: штрихи биографии портрета секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. ст. Чебоксары, 2007; Его же. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 42-69; Его же. Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 220-234; Димитриев В.Д. Природа, население, предыстория Советской Чувашии // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары, 1990. С. 4-12; Изоркин А.В. Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары, 1990. С. 97-106; Его же. Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 9-19; Его же. От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 20-37; Его же. Чувашия в 1917-1920 годах // История Чувашии новейшего времени. Кн. 1 (1917-1945). Чебоксары, 2001. С. 13-81; Макаревский В.В. Возникновение и деятельность организации партии эсеров в Чувашском крае в 1904-1918 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1996; Его же. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904-1918). Чебоксары, 2008.

³ Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши: история и культура. Т. 1. Чебоксары, 2009. С. 79-142; Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, 2010; Клементьев В.Н. Становление советской системы в Чувашии (ноябрь 1917-1920): идеалы и реалии // Права

вашей становятся предметом исследования в трудах региональных российских и зарубежных историков: К.Н. Санукова, С.В. Старикова, И.Р. Тагирова, А. Каппелера¹ и др. Прделана значительная работа, однако в советских и современных исследованиях по государственности чувашского народа основной акцент сделан на изучении национально-территориальных аспектов становления автономии, тогда как экстерриториальные начала упоминаются лишь эпизодически, как правило, без широких выводов и обобщений.

Таким образом, изучение исторической литературы, затрагивающей вопрос реализации программы экстерриториальной автономии Чувашии, показывает, что в настоящее время нет комплексного исследования, посвященного проблеме становления культурно-национальной программы чувашей.

Цели и задачи исследования. Целью работы является исследование идеологии и проектов экстерриториальной автономии, сыгравших существенную роль в национальном самоопределении чувашского народа в начале XX века. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

1) выявить предпосылки формирования программы культурной и экстерриториальной автономии в социальной, экономической, политической и духовной сферах жизни чувашей до XX века;

человека: история и современность. Чебоксары, 1999. Ч. 2. С. 3-5; Его же. Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 2009. С. 16-39; Его же. Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918-1920 годы) // Актуальные вопросы истории Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 2008. С. 297-310; Его же. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917-1920 годы) // Чуваш. гум. вест. 2007. №1. С. 23-44 и др.; Минеева Е.К. Наркоманц РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918-1925 гг. Чебоксары, 2007; Ее же. Национальный вопрос в России на рубеже XIX – XX веков (на материалах народов мари, мордвы и чувашей). Чебоксары, 2008; Ее же. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары, 2009 и др.; Немцева Т.В. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской Республики // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2001. №4. С. 57-60; Ее же. Чувашия в эпоху российских революций в начале XX в. Чувашия в 1920-1930 гг. XX в. // Лекции по истории и культуре чувашского края. М., 2007. С. 220-264; Ее же. Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект. Чебоксары, 2003. С. 168-182.

¹ Сануков К.Н. Марийская автономия: К 90-летию образования Марийской автономной области. Йошкар-Ола, 2010; Его же. Идея автономии в национальных движениях народов Поволжья и Приуралья в 1917-1920 годах // Национальная государственность чувашского народа: история и современность. Чебоксары, 2011. С. 47-58; Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917-1918 гг. Йошкар-Ола, 1996; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2008; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997 и др.

2) проследить процесс формирования программы чувашской культурной и экстерриториальной автономии в период в 1903-1907 гг. и попытки ее практической реализации в виде «Кружка деятелей по образованию чуваш» в 1906 году;

3) проанализировать идеологию, связанной с вопросами культурной и экстерриториальной автономии в общественно-политическом движении Чувашии в 1917 – начале 1918 годов;

4) раскрыть сущность малоизвестных проектов культурной и экстерриториальной автономии чувашей в виде «проекта Краснова» (февраль-октябрь 1918 г.) и «проекта Эльменя» (осень 1918 – весна 1919 гг.);

5) изучить причины изменения летом 1919 г. позиции чувашских лидеров в отношении идеи создания Татаро-Башкирской советской республики (ТБСР);

6) обозначить и проанализировать направления в чувашском национальном движении после образования в июне 1920 г. ЧАО.

Источниковой базой исследования является обширный комплекс материалов. В ходе всестороннего анализа было выделено 6 групп источников, среди которых наибольшее значение для изучения темы имели архивные документы, часть из которых впервые введена в научный оборот. Существенную роль в работе сыграли законодательные акты разного уровня, труды государственных и общественных деятелей данного периода, как в общероссийском, так и региональном масштабах, периодика того времени.

Теоретико-методологическая основа исследования построена на принципах историзма, объективности, соблюдения логического и исторического единства, в соответствии со спецификой изучаемой эпохи, во взаимосвязи с современностью. Обращение к методам исторического исследования обеспечивало решение поставленных задач. Сравнительно-исторический метод, использовавшийся для сопоставления общественно-политического движения чувашей с аналогичными национальными движениями как в Волжско-Уральском регионе, так и в России в целом, позволил выявить не только схожие, но и отличительные черты. Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть выделенные проблемы в хронологической последовательности и определить белые пятна в цепочке причинно-следственных связей исторических событий. Общенаучные методы анализа и синтеза помогли оценить результаты, полученные в ходе исследования, дать им объективную интерпретацию. Различные подходы, методы и принципы научного познания сделали возможным переход от анализа конкретных фактов, идей и проектов к обобщениям, чем помогли выявить суть проблемы и выработать собственную концепцию.

Научная новизна. Представленная диссертация – это первое комплексное исследование, посвященное анализу идеологии культурной и экстерриториальной автономии чувашей. В работе впервые выявляются истоки формирования проекта консолидации чувашских общин в единую экстерриториальную сеть под эгидой центрального общечувашского национально-представительского органа, а также выявляются трудности реализации этого

проекта до 1917 года. На основе архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, анализируются малоизученные в историографии проекты экстерриториальной чувашской автономии – Г.Ф. Алюнова (начало XX в. – январь 1918 г.), А.Д. Краснова (1918 г.), Д.С. Эльменя (конец 1918 – 1921 гг.) и Чувашской трудовой коммуны (вторая половина 1919 – первая половина 1920 гг.), рассматриваются их преемственность и отличия. Указанные положения соответствуют пунктам 4, 9, 10 Паспорта специальности 07.00.02 Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Предпосылки формирования программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей уходят своими корнями в общественную жизнь народа. Истоки программы самобытны, имеют автохтонное происхождение и опираются, в первую очередь, на исторический опыт чувашей в составе многонациональной России. Австромарксистская теория О. Бауэра и К. Реннера о культурно-национальной автономии в начале XX в. сыграла стимулирующую роль для чувашского национального движения, но она не предопределяла выдвижение чувашскими лидерами аналогичной экстерриториальной программы.

2. В период Первой русской революции 1905-1907 гг. была осуществлена попытка консолидации национальной элиты чувашей четырех губерний на почве создания единого национально-представительного органа, ставящего политические и экономические задачи. Образованный в Казани в августе 1906 г. полулегальный «Кружок деятелей по образованию чуваш» мог стать прообразом будущего руководящего центра культурной и экстерриториальной автономии чувашей с разветвленной по стране сетью филиалов. Однако дальнейшее развитие «Кружка» было прервано из-за развернувшихся в стране в конце 1906-1907 гг. репрессий царского правительства, в ходе которых были арестованы либо сосланы за границу руководители этой организации, подвергнуты дискриминации и гонениям другие активисты общественно-политических событий в Чувашском крае. До начала 1917 г. попытки создания организации подобного рода не возобновлялись.

3. После демократических перемен Февральской революции 1917 г. в течение всего 1917 – начала 1918 гг. шла целенаправленная борьба за получение образованными в тот период организациями чувашей (Союзом мелких народностей Поволжья, ЧНО, Центральным чувашским военным советом «Канаш», Центральным чувашским советом «Аслă Канаш», ЧЛСК, ККЧД и Чувотделом) всероссийского статуса культурного и экстерриториального центра чувашского народа. Для достижения поставленной цели были предприняты попытки консолидации с марийскими, удмуртскими и кряшенскими этническими лидерами (март-май 1917 г.), либеральным и антисоветским крылом мусульманского движения (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.), левозсеровским руководством Казанского губернского совдепа (февраль-август 1918 г.). Все эти действия по различным причинам оказались безуспешными.

4. Впервые искомым всероссийский статус культурного и экстерриториального центра всех чувашей был получен Чувотделом в апреле 1918 года. Согласно Совнаркому РСФСР на его создание определялось не логикой национальной политики РКП(б), а задачей достижения лояльности чувашских лидеров в вопросе реализации «промосковского» проекта ТБСР и отказа чувашей от поддержки оппортунистического Совнаркому РСФСР Казанского губернского совдепа с его идеей создания Волжско-Уральской советской республики (ВУСР). Однако в проекте ТБСР не была предусмотрена культурная и экстерриториальная автономия чувашей, и поэтому руководство Чувотдела вплоть до лета 1919 г. занимало позицию категорического неприятия этого проекта.

5. Изъятие в апреле 1919 г. из состава Чувотдела его принципиально важного структурного подразделения – подотдела культуры и просвещения и передача его в ведение Наркомпроса РСФСР нарушало складывавшуюся в 1918-1919 гг. систему культурной и экстерриториальной автономии чувашей. Выход из создавшейся ситуации руководство Чувотдела видело в заключении взаимовыгодного соглашения с татарскими коммунистами и в признании проекта ТБСР. Руководство Чувотдела договорилось создать культурную и экстерриториальную сеть чувашских общин (трудовых коммун) без выделения в особую территориальную автономию. Выработывалась следующая формула – территория, находившаяся во введении Чувашской трудовой коммуны (ЧТК), должна была принадлежать ТБСР, а внутренняя (национальная) жизнь, регламентироваться Чувотделом, который подчинялся не руководству ТБСР, а Совнаркому РСФСР.

6. После образования в мае 1920 г. обособленной Татарской АССР эта формула была адаптирована под унитарную часть советской России. Созданная в июне 1920 г. ЧАО виделась Чувашским отделом не как территориальная автономия определенного этноса, а как часть России, в которой Чувотдел регламентировал бы культурную и национальную жизнь чувашей. Совмещение Д.С. Эльменем должности руководителя ЧАО и Чувотдела с всероссийским экстерриториальным статусом могло обеспечивать жизнеспособность идеи культурной и экстерриториальной автономии чувашей всей России, вне зависимости от места их проживания, через сеть подотделов Чувотдела во всех субъектах РСФСР, где имелось чувашское население.

7. Неприятие «проекта Эльменя» этнической элитой чувашей, группировавшейся в Симбирске, а также политика центральной власти привели к принудительной ликвидации в марте-мае 1921 г. Чувотдела с экстерриториальным статусом и к открытию вместо него в Москве представительства ЧАО с территориальным статусом, что стало препятствием для возрождения идеи культурной и экстерриториальной автономии чувашей. Дальнейшее развитие Чувашии пошло в рамках национально-территориальной автономии.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что она заполняет существовавшую до сих пор нишу в освещении идеологии и проектов культурной и экстерриториальной автономии чувашей в начале

XX века. Результаты исследования имеют широкий диапазон применения: они могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории автономии и государственности чувашского народа. В диссертации присутствуют новые сведения и выводы, которые должны помочь исследователям при изучении конкретных событий, а также вопросов создания и деятельности государственных и общественно-политических организаций того времени. Выводы и обобщения диссертационного исследования могут быть востребованы культурно-национальными объединениями, органами государственной власти и самоуправления, а также при написании учебников, разработке спецкурсов для учителей родного края, студентов исторического и других факультетов соответствующего профиля высших учебных заведений Чувашской Республики.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были апробированы на двух международных, трех всероссийских, а также на межрегиональных и региональных научно-практических конференциях. Имеется ряд публикаций в научных журналах, в том числе 3 – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Всего по теме диссертации опубликовано 15 работ, общим объемом 7,55 п.л. Материалы диссертационного исследования использовались при разработке лекционного курса для учителей культуры родного края в рамках повышения квалификации в Институте образования г. Чебоксары в течение 2008-2011 годов. Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры Отечественной истории ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова» 7 октября 2011 г. (протокол № 3).

Структура работы определяется целью и поставленными задачами, включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, а также приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, территориальные и хронологические рамки, проанализированы предшествующая историография и источниковая база, сформулированы цель и задачи диссертационного исследования, охарактеризована его методология, выделены основные положения, выносимые на защиту, указаны научная новизна и практическая значимость работы, обозначена структура диссертации, приведены данные об апробации темы.

В **первой главе «Источниковая база исследования и историография проблемы»** проанализированы корпус источников, понятийный аппарат и историография по теме исследования.

Первый параграф «Источники и понятийный аппарат» посвящен обзору источниковой базы и определению категориально-понятийного аппарата. К первой группе источников относятся архивные данные, которые составляют документальную основу темы исследования. Характеризуя архивные документы,

следует отметить различную степень их достоверности, поскольку они создавались в определенных исторических условиях и с конкретными целями. В этой связи очень важно изучать все материалы в совокупности, оставляя за рамками эмоции и риторику автора, выявляя содержание намерений тех или иных групп и личностей. В ходе работы были изучены многие фонды Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), относящиеся к периоду начала XX века. Наибольшую ценность в рамках заявленной темы представляют 9 фондов, среди которых необходимо особо выделить два: Ф. Р-501 (Казанский чувашский военно-окружной комитет) и Ф. Р-499 (Чувашский отдел при Наркомнаце РСФСР), так как в них собраны основные архивные данные (внутренняя и внешняя переписка, протоколы общенациональных съездов, аналитические записки и др.), касавшиеся вопроса становления автономии чувашей периода 1917-1920 годов. Следующими по значимости архивными материалами стали документы Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР, бывший Партийный архив Чувашского обкома КПСС). Наибольший интерес, с точки зрения изучаемой темы, представляют фонды П-1 (Партийный архив Чувашского обкома КПСС) и П-2 (Чувашская секция при Казанском губкоме). Значительную помощь в исследовании оказали материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), в которых содержатся многочисленные материалы о национальном движении как в Чувашии, так и за ее пределами. В Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) изучено 6 архивных фондов. Они стали важным источником по истории национального вопроса всего Волжско-Уральского региона и в немалой степени чувашского населения.

Вторую группу источников составляют материалы законодательного порядка, подразделяющиеся на законы и подзаконные акты, в которых нашла отражение деятельность государственных органов. Этот вид источников позволяет осмыслить и оценить методы деятельности руководства Российского государства по отношению к идеям и проектам культурной и экстерриториальной автономии как в досоветский, так и советский периоды.

Третью группу источников составляют труды государственных и общественных деятелей анализируемого периода в общероссийском и региональном масштабах. Многие работы В.И. Ленина и И.В. Сталина имеют непосредственное отношение к национально-государственному строительству РСФСР и СССР¹. Без их изучения невозможно понять логику советской национальной политики того периода времени. На региональном уровне важными являются публикации по национальному вопросу К.Я. Грасиса,

¹ См: Ленин В.И. Национальный вопрос. Сб. ст. и выступ. М., 1936; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 266-304; Его же. Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики 10-16 мая 1918 г. // Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925). Т. 1. Уфа, 2002. С. 491-494.

Ф. Сыромолотова, мусульманских деятелей И. Алкина, М. Султан-Галиева¹ и др. На общечувашском уровне значительный интерес представляют работы, написанные в форме воспоминаний – В.А. Алексеева, С.А. Коричева, С.Н. Николаева, Д.П. Петрова, Я.П. Соснина² и др.

К четвертой группе источников относятся материалы периодической печати общегосударственного («Известия ВЦИК», «Жизнь национальностей» и др.), регионального («За землю и волю», «Знамя революции» и др.) и национального («Хыпар», «Канаш», «Известия Ревкома АЧО» и др.) уровня. Все они представляют несомненную ценность для раскрытия темы и наполнения ее фактическим материалом. Особое внимание в работе уделено пятой группе источников – словарям и энциклопедиям, что было чрезвычайно важно для уточнения значения и этимологии ряда специфических понятий. Некоторые из вышеперечисленных источников содержатся в оцифрованном виде и выложены в сети Интернет, что позволяет более оперативно знакомиться с источниками, размещенными в других регионах страны.

В каждом научном исследовании имеет принципиальное значение то, как понимаются различные термины, их соответствие тем или иным понятиям, поэтому значительное внимание уделено терминологии исследования. Это важно, когда затрагивается такой сложный и противоречивый вопрос, как национальный, где непросто вывести единые и универсальные термины и категории, которые учитывали бы специфические особенности различных народов, проживающих в разных частях света и находящихся на разных этапах исторического развития. В работе дано толкование понятиям «нация», «автономия», «культура» и др. Определяются дефиниции между такими терминами, как «национально-территориальная», «культурная» и «экстерриториальная» автономия. Для более точного выявления состояния этнополитического процесса создания экстерриториальной автономии чувашей подвергнут анализу такой понятийный ряд, как «идея», «проект» и «программа».

Во *втором параграфе «Историография вопроса»* исследована степень изученности проблемы. Выявлены различные этапы в оценке действий национальных лидеров чувашей по созданию экстерриториальной автономии. Эти попытки были связаны с политическими и идеологическими установками, оказавшими влияние на историческую науку.

Во **второй главе «Формирование идеи экстерриториальной автономии чувашского народа»** проанализированы предпосылки формирования программы культурной и экстерриториальной автономии к началу 1917 года.

¹ Грасис К.Я. К национальному вопросу: сб. ст. Казань, 1918; Сыромолов Ф.Ф. Ленин и Сталин в создании Татаро-Башкирской Республики // Революция и национальности. 1935, №8. С. 15-24; Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998; Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Казань, 2002.

² Алексеев В.А. Дорогой Октября: Воспоминания. Чебоксары, 1971; Коричев С.А. Первые шаги: Воспоминания о первых годах Советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1969; Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева // НСБ ГИА ЧР (Науч.-справ. библ. ГИА ЧР); Петров Д.П. 1905. Чебоксары, 1925; Соснин Я.П. Страницы прошлого. Чебоксары, 1957.

В первом параграфе «Национальный вопрос в Российской империи на рубеже XIX-XX веков и его отражение в национальном движении чувашей» отмечена роль чувашской интеллигенции, которая активно искала формы и пути решения национального вопроса, применимые для чувашского народа. К этому подталкивали бурные общественно-политические процессы, происходившие в стране, а также объективные потребности чувашей, которые сложились к этому времени. Анализируя состояние национального вопроса, можно сделать вывод о том, что к началу XX в. он приобрел новый, отличный от прежнего, революционный характер. Происходит сращивание многовекового опыта борьбы за национальное равноправие с теорией и практикой молодых революционных организаций левого и леворадикального толка. Несмотря на разность приоритетов в регионах страны, многие национальные движения стала объединять одна глобальная задача – социально-политическое переустройство. Тезис о праве наций на самоопределение становился не только фактором, решавшим собственно национальный вопрос, но и своего рода плебисцитом за изменение государственного устройства России. Не остался в стороне и чувашский народ. На рубеже XIX – начала XX вв. среди чувашской интеллигенции появились сторонники активного участия в политической жизни страны. Требования лидеров чувашей во многих местах, как уже указывалось, были созвучны требованиям различных национальных движений страны, однако отличающимся было стремление исключительно к культурной и экстерриториальной автономии.

Во втором параграфе «Предпосылки возникновения идеи до начала XX века» сделаны выводы о том, что приверженность этнических лидеров чувашей идеалам исключительно культурной и экстерриториальной автономии, а также отказ от национально-территориальных притязаний, характерных для большинства национальных движений страны, основаны на объективных предпосылках, имевших глубокие корни во всех сферах жизни чувашей на протяжении нескольких столетий. В экономической сфере это связано с хроническим малоземельем крестьян в чувашских уездах правобережной части Казанской губернии. Для диаспорных групп этноса, проживавших в других губерниях, экстерриториальная консолидация чувашских общин по национально-культурному принципу была необходима для того, чтобы, в случае создания единого всероссийского национально-представительного органа чувашей, этот орган мог отстаивать национальные интересы, а также оказывать экономическое содействие. В социальной сфере приверженность к культурной и экстерриториальной автономии была обусловлена стремлением чувашских крестьянских общин к консолидации для того, чтобы эффективней можно было развивать самобытные культурные традиции и противостоять региональной бюрократической системе и духовенству. Отсутствие на протяжении ряда столетий какой-либо значимой социальной прослойки, которая могла выполнять политические функции, повлияло на формирование предпосылок в политической сфере. На повестку дня была поставлена задача национализации народного образования (т.е. передачи вопросов регулирования духовной сферы чувашского

населения в руки их этнических лидеров), затем достижение образовательного и экономического уровня развития этноса до критериев «сильной» нации, а уж потом предполагалось выдвижение политических требований. Духовная сфера изначально предполагает стремление к культурному самоуправлению. До XX в. предпринимались отдельные попытки культурной консолидации чувашей (проекты О. Томеева и И.Я. Яковлева), но они не имели должного успеха. В начале XX в. требовалось создание программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей, структура которой отвечала бы потребностям демократичного и политизированного времени.

В *третьем параграфе «Идея культурно-национальной автономии чувашей до 1917 г.»* рассмотрены условия формирования программы с начала появления первых общественно-политических организаций чувашей (кружки, союзы и пр.), с 1903 г. вплоть до периода, предшествовавшего Февральской революции 1917 года. За это время не сложилась единая и целостная программа реализации экстерриториальной автономии, в первую очередь, по причине репрессивной политики царского правительства. Важным фактором субъективного характера явилось то, что наблюдавшееся во второй половине XIX в. противостояние двух культурных центров чувашей «Казань-Симбирск» приняло новую форму. В Казани стали концентрироваться лидеры чувашского народа (группа чувашского эсера Т.Н. Николаева-Хури), более склонные к политизированной и революционной форме борьбы за национальное равноправие, характерной для народов западных и юго-западных национальных «окраин» Российской империи. Сторонники идеи создания единого экстерриториального центра чувашей в Симбирске занимали более консервативные позиции, свойственные «внутренним» народам России и опиравшиеся на культурно-просветительские традиции, сформированные в Симбирской чувашской школе.

Летом 1906 г. по инициативе «казанцев» была предпринята попытка объединения двух течений и их включения в общеполитическую борьбу в Российской империи на позициях партии эсеров. Под влиянием «симбирцев» объединение произошло с большим акцентом на культурно-просветительскую деятельность с перспективой создания единого экстерриториального культурно-просветительского центра чувашей под эгидой Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, появившегося в 1905 году. Созданный в августе 1906 г. «Кружок деятелей по образованию чуваш» фактически являлся прообразом будущего единого национально-представительного органа всех чувашей страны, построенного на общедемократических (коллегиальных) принципах. Причины поражения объединительного процесса чувашей в период Первой русской революции 1905-1907 гг. были связаны главным образом с репрессиями российского правительства П.А. Столыпина в 1906-1907 гг., направленными практически против всех национальных движений страны.

В **третьей главе «Попытки реализации экстерриториальной автономии чувашского народа в проектах этнической элиты в 1917-1920 годах»** освещены практические мероприятия общественно-политических организаций

чувашей по созданию этого типа автономии в условиях, когда Российское государство упразднило прежние имперские дискриминационные законы и предоставило право на самоопределение.

В первом параграфе *«Культурно-национальная автономия в национальном самоопределении чувашского народа в 1917 – начале 1918 года»* изучен период Временного правительства и первых месяцев советской власти вплоть до разгона Всероссийского учредительного собрания в январе 1918 г. и коренного изменения внутривластной ситуации на территории губерний Волжско-Уральского региона в феврале-марте 1918 года. Этот период можно условно разбить на четыре этапа, каждый из которых своеобразен и отличается определенным вектором в решении национального вопроса чувашей. В марте-мае 1917 г. в общечувашском масштабе основное лидерство принадлежало Обществу (впоследствии – Союзу) мелких народностей Поволжья под руководством Н.В. Никольского. Основное устремление этой организации и им сочувствующих – консолидация чувашей с другими немусульманскими «инородческими» народами Волжско-Уральского региона – марийцами, удмуртами, мордвой и кряшенами. Первый съезд мелких народностей Поволжья, прошедший в мае 1917 г., показал принципиальное разногласие чувашей с марийскими и удмуртскими лидерами, которые стояли преимущественно на позициях национально-территориальной автономии. Из-за отсутствия взаимопонимания начала преобладать линия на самостоятельную борьбу за представительство чувашей в будущем парламенте унитарной и демократической России.

Лидирующей организацией после проведения Первого Общечувашского съезда в Симбирске в июне 1917 г. стало ЧНО, которое предопределило содержание второго этапа. Основным императивом устремлений лидеров чувашей являлась борьба за сохранение во «внутренней» России унитарной системы, позволившей бы реализовать культурную и экстерриториальную программу чувашского и других народов региона. Другим важным пунктом являлась борьба за максимальное представительство чувашей в Учредительном собрании и создание в нем своей национальной фракции.

В ноябре 1917 г. произошел пересмотр национальной программы руководством ЧНО и признание в стране принципов федерализма. Решающую роль в этом сыграли взаимовыгодные договоренности с руководством Национального собрания мусульман внутренней России и Сибири, пытавшегося создать на территории Волжско-Уральского региона общенациональный демократический штат, в котором все народы должны были жить на принципах культурной и экстерриториальной автономии, без титульного преобладания какой-нибудь народности или конфессии. Третий этап завершается с поражением этой идеи в связи с принудительным роспуском большевиками и левыми эсерами Всероссийского учредительного собрания в январе 1918 г. и победой среди мусульман приверженцев обособленной мусульманской территориальной автономии (штат Идель-Урал) без чувашей и марийцев.

Четвертый этап связан с сотрудничеством лидеров чувашских военных организаций с руководством Казанского губернского совдепа в феврале-марте 1918 года. Оно предложило альтернативный мусульманскому проекту собственный проект – ВУСР, который во многом был схож с Волжско-Уральским штатом, но построен по советскому типу. Чувашам там также была обещана культурная и экстерриториальная автономия, но взамен лидеры Чувашского военного совета «Канаш» должны были взять под свой контроль антисоветски настроенное ЧНО и редакцию газеты «Хыпар».

Во *втором параграфе «Борьба за осуществление проектов А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя (1918-1919 гг.)»* проведен анализ практической деятельности по созданию культурной и экстерриториальной автономии чувашей в условиях победившей в Волжско-Уральском регионе советской власти. Период 1918-1919 гг. в становлении автономии и государственности чувашского народа является, пожалуй, самым важным. Именно на этом этапе впервые начался равноправный диалог российского правительства и первого, официально признанного чувашского национально-представительного органа по рассмотрению основ автономии в составе России. В этой связи подробнее освещены два ведущих проекта чувашской культурной автономии экстерриториального характера, названных в диссертации «проект Краснова» (февраль-август 1918 г.) и «проект Эльменя» (осень 1918 г. – лето 1919 г.).

В контексте анализа «проекта Краснова» особое внимание уделено двум принципиально важным вопросам. Во-первых, внимательно рассмотрен недостаточно изученный в историографии проект Казанского губернского совдепа, выдвинувшего идею Казанской советской республики, которая должна была стать предтечей ВУСР, а также место в ней чувашской экстерриториальной культурной автономии. Так, созданный в марте-апреле ККЧД виделся (его руководством) не как окончательная форма чувашской автономии, а как шаг на пути к созданию в Казани Центрального чувашского совета «Аслă Канаш» (либо «Халăх Канашё») со всероссийским статусом. Этот совет должен был осуществлять культурное и экстерриториальное управление всеми чувашами России вне зависимости от места их проживания. Во-вторых, в диссертации выдвинута новая, отличная от традиционной, версия о создании Чувотдела. Все проанализированные материалы убеждают в том, что его появление связано не столько с логикой национальной политики В.И. Ленина и И.В. Сталина, сколько с действиями взамен на уступку чувашских деятелей по отношению к идее нового «промосковского» мусульманского проекта под названием ТБСР.

В ходе анализа «проекта Эльменя» обозначены основные контуры до сих пор малоизвестного в историографии проекта чувашской культурной автономии на рубеже 1918-1919 гг. в виде экстерриториальной сети чувашских государственных учреждений в унитарной Советской России под руководством Чувотдела. Сворачивание этого проекта связано, в первую очередь, не с развернувшейся в стране Гражданской войной, а с принудительным изъятием

1 апреля 1919 г. из ведения Чувотдела принципиально важного подотдела культуры и просвещения и его передач в систему Наркомпроса РСФСР.

Анализ данных проектов показал, что они во многом схожи и имеют определенную преемственность, но все-таки отличаются друг от друга. «Проект Краснова» зарождался в условиях давления со стороны мусульманских организаций, с одной стороны, и Казанского губсовдепа, с другой. При всей политической разнице проектов Волжско-Уральского штата и ВУСР у них был один общий фактор – объединение Волжско-Уральского региона в один большой административный субъект, который на федеративных условиях должен был войти в демократическую Россию. Отсюда и основной императив этого проекта – сделать Казань экстерриториальным центром всех чувашей, как вошедших в этот федеративный субъект, так и не вошедших в него. «Проект Эльменя» формировался в совершенно иных условиях. Ушел в прошлое мусульманский проект демократического штата, признан оппортунистическим и проект казанского губсовдепа, чувашские лидеры небезуспешно приложили максимум усилий, чтобы «провалить» и проект ТБСР. Затем в Москве был открыт Чувотдел, который имел право и стремился стать экстерриториальным органом чувашей всей Советской России. Сохранение в Волжско-Уральском регионе до марта 1919 г. унитарных принципов гарантировало Чувотделу возможность свободно вмешиваться в дела любой губернии и любых организаций других наций, если дело касалось чувашского населения. Отсюда и основное стремление лидера этого проекта – Д.С. Эльменя к Москве, что, кстати, проявлялось у него и в 1920-е гг., т.е. уже после создания Чувашской АО.

В *третьем параграфе «Экстерриториальность в проекте Чувашской Трудовой Коммуны и административные рамки ЧАО»* сделан вывод о том, что летом 1919 г. происходило «переформатирование» «проекта Эльменя», сущность которого заключалась в том, что вновь было найдено согласие с мусульманскими лидерами по аналогии с проектом Волжско-Уральского штата конца 1917 г., но уже на «советской платформе» и с согласием на наименование будущей интернациональной автономии региона «Татаро-Башкирская». Выгодность такого проекта для чувашей заключалась в том, что уменьшалась зависимость от Центрального правительства РСФСР, появлялась возможность централизации (в первую очередь утраченного подотдела культуры и просвещения) всех разобщенных чувашских организаций на территории всего Волжско-Уральского региона под руководством экстерриториального Чувотдела. Чувашским культурным и экстерриториальным центром в таком случае становилась бы Казань.

Проект «Чувашской трудовой коммуны» носит в первую очередь экстерриториальный, а не территориальный характер, как принято считать в историографии. Кроме того, он имеет мало общего с возникшими в то время национальными трудовыми коммунами (ТК) – Карельская ТК возникла только 6 июня 1920 г., а ТК немцев Поволжья – 17 февраля 1921 г. (до этого она называлась несколько иначе – «ТК Области немцев Поволжья», что в нашем случае имеет принципиальное значение). Проанализированная докладная записка

Д.С. Эльменя во ВЦИК от 3 января 1920 г. подтверждает мысль о том, что в ней речь шла исключительно о национальной (культурной) автономизации, а территории испрашивались только для использования, но не владения и самоуправления. Предполагалось наделить чувашские общины особым статусом национальной «коммуны» и разрешить им на прежних условиях использовать свои традиционные земли. Вопрос об экстерриториальной сети чувашских трудовых коммун решался только в тесной взаимосвязи с татаро-башкирским вопросом и проблемой создания их совместной автономии. В марте 1920 г. идея «коммуны» окончательно потерпела поражение и началось создание отдельной от всех однопациональной Татарской АССР. Фактически чувашский «коммунальный» проект с этого времени тоже был обречен: дальнейшие действия напоминали выбор между «худшим» и «катастрофическим».

Согласие чувашских руководителей Чувотдела на образование ЧАО – это скорее жест отчаяния, чем целенаправленная политика. После создания национально-территориальной автономии в виде ЧАО чувашский вопрос не был разрешен. Произошел раскол между национальными деятелями. «Блок Эльменя» продолжал настаивать на чувашских культурных и экстерриториальных принципах на основе сохранения всероссийского статуса Чувотдела и перевода его в Чебоксары. «Блок Коричева» начал разрабатывать проект, доводивший до логического завершения национально-территориальный принцип, придание ЧАО республиканского статуса и двукратное территориальное увеличение со столицей в Симбирске (т.н. «Большая Чувашия»). Культурные и экстерриториальные притязания чувашского национального движения заканчивались в два этапа: сначала создание национально-территориальной автономии в виде ЧАО в июне 1920 г., самоликвидация Чувашского отдела при Наркомнаце 24 марта 1921 г. и последующая отставка Д.С. Эльменя со всех руководящих постов весной-летом 1921 года. В дальнейшем вопрос о чувашской культурной и экстерриториальной автономии в практическом русле не ставился и не обсуждался.

В Заключении подведены итоги исследования, сформулированы выводы. Выдвижение в начале XX в. этническими лидерами чувашского народа идеи создания культурной и экстерриториальной автономии чувашей было обусловлено общим историческим развитием чувашского народа в составе Российского государства. Особенно это проявлялось в социально-экономической сфере, связанной с хроническими проблемами малоземелья чувашского крестьянства и перенаселенности в традиционных чувашских уездах Казанской губернии. Чуваши, в силу указанных причин претендовавшие на переселение в восточные регионы России, и для сохранения своей национальной аутентичности были заинтересованы в экстерриториальном варианте автономии. Следующим важным фактором являлось стремление к этнополитической консолидации рассеянных по всему Волжско-Уральскому региону диаспорных групп чувашского народа.

В 1906 г. была предпринята первая полулегальная попытка создания координирующего центра, который брал на себя политические и экономические задачи помощи чувашскому населению для достижения национального равно-

правия с другими народами страны. После Февральской революции 1917 г. различные общественно-политические организации чувашей боролись за признание этого центра Российским правительством в качестве всероссийского культурного и экстерриториального центра чувашей всей страны. В итоге государственное признание в апреле 1918 г. получил Чувотдел под руководством Д.С. Эльменя, стремившийся к реализации национальной программы чувашей, выработанной в начале XX в., т.е. к культурной и экстерриториальной автономии этноса всей страны.

Можно сделать вывод о том, что образованная в июне 1920 г. ЧАО не была следствием целенаправленной политики руководства Чувотдела и партии РКП(б) на создание национально-территориальной автономии, как принято считать в историографии. В первую очередь, это связано с татаро-башкирским вопросом, так как его разрешение для Совнаркома РСФСР было предпочтительней в целях ускорения мировой пролетарской революции на мусульманском Востоке. Во-вторых, следует указать на внутреннюю раздробленность чувашских лидеров на так называемых «казанцев» и «симбирцев». И те, и другие считали себя правомочными на общенациональное экстерриториальное представительство. Продолжавшееся между ними противостояние вплоть до лета 1921 г. привело к тому, что к власти в руководстве ЧАО пришли люди, далекие от культурных и экстерриториальных амбиций, после чего дальнейшее развитие Чувашии пошло в национально-территориальном русле.

**Основные положения диссертации отражены в
следующих публикациях автора:**

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки России*

1. Щербаков, С.В. «Аслă Канаш» – альтернативная форма чувашской государственности / С.В. Щербаков // Вестник Чуваш. ун-та. – 2009. – № 4. Гуманит. науки. – С. 112-116 (0,47 п.л.).

2. Щербаков, С.В. «Кружок деятелей по образованию чуваш» 1906 г. и его роль в истории национального движения / С.В. Щербаков // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (№71). Ч. 1. – С. 232-237 (0,48 п.л.).

3. Щербаков, С.В. Из истории образования Чувашского представительства в Москве в 1920-1921 гг. / С.В. Щербаков // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (№71). Ч. 2. – С. 201-205 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Щербаков, С.В. Кузнецов И.Д. и «платформа капитулянтов и правых националистов в Чувашии» (Современный взгляд на события 1937 года по материалам уголовного дела) / С.В. Щербаков // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. Сб. ст. Всеросс. науч. конф. историков. – М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 79-93 (0,8 п.л.).

5. Щербаков, С.В. Всероссийский чувашский военный съезд: попытки решения национального вопроса эсерами в январе 1918 года. (По документам

РГУ «Госистархив Чувашской Республики») / С.В. Щербаков // Вестник Ленинского мемориала. Вып. 9. Мат-лы Всерос. науч. конф. – Ульяновск: «Вектор-С», 2007. – С. 386-397 (0,47 п.л.).

6. Щербаков, С.В. «В пределах штата все народности должны быть равны» (Идеи культурно-национальной автономии на Первом Всероссийском чувашском военном съезде) / С.В. Щербаков // «Гасырлар авазы – Эхо веков». – 2008. – № 1. – С. 71-76 (0,41 п.л.).

7. Щербаков, С.В. Из истории первых государственных символов чувашского народа / С.В. Щербаков // КИЛ. – 2008. – № 3. – С. 148-151 (0,29 п.л.).

8. Щербаков, С.В. Позиция чувашских и марийских национальных деятелей в вопросе образования Татаро-Башкирской Республики (по материалам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») / С.В. Щербаков // Историк и время: проблемы истории и историографии народов России, Поволжья, Марий Эл: мат-лы науч. конф. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. – С. 151-158 (0,42 п.л.).

9. Щербаков, С.В. Анализ современной историографии образования Чувашской автономии (на примере работ А.В. Изоркина) / С.В. Щербаков // Проблемные вопросы регионоведения: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Ч. II. – Чебоксары: ЧГПУ, 2010. – С. 168-177 (0,7 п.л.).

10. Щербаков, С.В. Архивные документы об участнике белогвардейского движения из чувашского офицерства / С.В. Щербаков // Перспективы модернизации российского образования: мат-лы Респ. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 176-185 (0,42 п.л.).

11. Щербаков, С.В. Обсуждение татаро-башкирского вопроса на Всероссийском съезде чувашских коммунистов 4-8 февраля 1920 года / С.В. Щербаков // Перспективы модернизации российского образования: мат-лы Респ. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 160-176 (0,9 п.л.).

12. Щербаков, С.В. Роль чувашского учительства в формировании собственной нации / С.В. Щербаков // Халӑх шкулӑ – Народная школа. – 2010. – №5. – С. 40-43; №6. – С. 16-18 (0,78 п.л.).

13. Щербаков, С.В. К вопросу о возникновении Казанского Комиссариата по чувашским делам (март – апрель 1918 г.) / Е.К. Минеева, С.В. Щербаков // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С.59-67 (0,45 п.л.).

14. Щербаков, С.В. Общее и различное в национальных движениях «окраинных» и «внутренних» народов Российской империи к началу XX в. / С.В. Щербаков, М.В. Мурзуков // Чувашская диаспора: история, современность, перспективы: сб. ст. – Чебоксары: ЧГПУ, 2011. – С. 275-277 (0,14 п.л.).

15. Щербаков, С.В. Идеи культурно-национальной автономии в истории чувашского народа / С.В. Щербаков // Культурные традиции в условиях трансформации общества: мат-лы науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 188-195 (0,42 п.л.).